

Пирог со вкусом детства

ББабушку свою, которую с детства привыкла звать на татарский манер даваникой, я всегда любила безмерно. Когда была маленькой, жили в одном доме, но на разных этажах: мы с родителями на пятом, даваника – на втором. Я маршировала туда и обратно сто раз на дню, пока однажды – так уж сложилось – не переселилась насовсем в скромную даваникину квартиру с маленьким тесным балконом, утопающим в цветах.

Другую бабушку – мамину маму – я, конечно, тоже любила, но только совсем иначе. Жила бабуля Вика в Волгограде – мама оттуда родом. Дед Паша умер от рака, когда меня ещё на свете не было. Даваника, кстати, тоже вдовела с тридцати двух лет.

Время от времени мы с родителями выбирались в Волгоград погостить. Поездки эти были короткими, но содержательными, спрессованными

плотно и туго, по-стахановски – пятилетка за год. Бабуля Вика до тошноты закармливала меня пельменями, салатом «оливье», пирожными, конфетами, шоколадным мороженым. Зацеловывала, заваливала куклами, плюшевыми игрушками, кофточками, юбками и платьями. Культурно развлекала: водила в музеи, кафе, парки, кинотеатры. С гордостью демонстрировала многочисленным приятельницам.

Это была бабушка-фейерверк, бабушка-праздник, и я любила её, как любой ребёнок любит праздники, с восторгом и нетерпением ожидая их и точно зная, что они скоро закончатся. Праздники раскрашивают нашу жизнь, делают разнообразнее и ярче, но не составляют её сути.

Бабуля Вика не наказывала меня, не поучала, не ругала за двойки, не ставляла есть скучную овсяную кашу и куриный суп, не шлёпала по попе за капризы, не учила мыть посуду и пришивать пуговицы, не отправляла чистить зубы, не требовала правильно держать вилку, не бранила за неряшливость или грубый тон. Всё это приходилось делать даванике – и на её же долю выпадало моё недовольство, нетерпение, раздражение.

Зато мне никогда не пришло бы в голову поведать бабуле Вике о своих школьных проблемах, о несправедливости нашей классной Марины Максимовны, о подруге Райке, которая оказалась предательницей и поцеловалась с Шамилем, хотя знала, что я в него влюблена по самую макушку. Это с даваникой мы думали, как мне свести прыщи со лба и какую стрижку сделать. Ломали голову, что ответить Лильке, которая постоянно дразнила меня «очкастой». Это даваника решала, какой ранец купить при моём сколиозе, что я должна есть, чтобы не испортить желудок, на какой подушке спать – перьевой или синтетической, какие факультативы посещать, каким спортом заниматься.

Бабушка Вика была ласковой и улыбчивой. Целовала и обнимала меня по десять за день, придумывала массу

всевозможных прозвищ. «Ласонька», «ягодка», «фасоленка», «масенька», «котенька» и прочие смешные словечки легко спархивали с её языка.

Даваника особой нежностью не отличалась. Или, может, просто не умела её проявлять. Погладит иной раз по голове, прижмёт к себе крепко-крепко, словно боится, что убегу, – и на этом всё. Скупая на слова и улыбки, она называла меня «кызым» («дочка-внучка», значит) и – редко, только если очень недовольна мною – по имени.

Когда мне было девять, родители попали в автомобильную аварию. Мама погибла на месте. Папа умер по дороге в больницу.

Бабуля Вика приехала из Волгограда, постаревшая лет на десять, громко плакала, стенала, судорожно обнимала меня и вскоре уехала обратно в дивный волжский город, чтобы прийти в себя и научиться жить в мире, где ей пришлось похоронить единственную дочь.

Мы с даваникой остались одни. Квартиру, где я жила с мамой и папой, заперли на ключ и наведывались только проветрить, вытереть всюду пыль и вымыть окна. Мне было тяжело в этом доме, он казался мне мёртвым и одновременно настороженным, не желающим, чтобы его беспокоили. Он хранил воспоминания, как музей. А разве нормальный человек может жить в музее?

Первые месяцы после гибели родителей я помню плохо. Запало в память то, что даваника, в отличие от бабули Вики, не уронила ни единой слезинки. Сильно похудела, стала ещё молчаливее, но ни разу не заплакала. Теперь-то я знаю, что это куда хуже: слёзы смывают боль, приносят облегчение. Даваникино страдание сушило её изнутри, выскребало до дна, расцарапывало и без того израненное сердце.

Помню, она взялась каждый день что-то выпекать. Готовила всегда великолепно, особенно ей удавались блюда татарской национальной кухни. Чем замысловатее и сложнее рецепт, тем лучше. Даваника прятала свои

чёрные с седыми проблесками волосы под косынку, надевала любимый фартук с синими цветами и принималась за дело. Месила узловатыми, опухшими от артрита пальцами тесто, раскатывала тонкие пласты, заворачивала в них начинку, лепила эчпочмаки, сооружала горки золотистого, сочащегося мёдом чак-чака, пекла пироги с калиной и яблоками, перемячи и губадию, которую, кстати, сама терпеть не могла.

Такой вкусной выпечки мне больше никогда не доводилось пробовать. Наверное, даваника добавляла в тесто нечто особенное, что не значилось ни в одной кулинарной книге. И без этого «чего-то» все другие пироги казались пустыми и пресными....

Вдвоём съесть всё наготовленное мы, разумеется, не могли, и потому даваника раздавала необыкновенные яства соседям, угощала детей, выносила тарелки на улицу и кормила каких-то старушек возле магазина.

Мне, маленькой, это казалось бессмысленным и глупым, я плакала и иногда в истерике бросала ей в лицо злые слова. Как можно думать о еде, заниматься всякой ерундой, если у тебя такое горе?! Каким же надо быть бесчувственным и жёстким человеком! И совсем, совсем не жалеть свою единственную внучку!.. Даваника гладила меня по голове, растерянно и виновато улыбалась, пыталась успокоить, говорила что-то своим глуховатым голосом – теперь уж не вспомнить, что именно.

По-русски она разговаривала с едва заметным акцентом, однако фразы строила правильно, а словарный запас имела такой, что позавидовал бы иной коренной носитель. Родным для неё, конечно, был татарский: на нём она думала, на нём пела. Меня этому языку толком не научили: я лишь немного понимаю татарский на бытовом уровне, но объясняться не рискую.

Теперь я жалею о том, что за всю жизнь ни разу не захотела поговорить с даваникой так, как было удобно не только мне, но и ей. Ещё мне жаль, что

не удосужилась научиться печь, а лишь была на подхвате, помогала нарезать, шинковать и смешивать.

Вам никогда не приходило в голову, как часто людям не хватает времени на по-настоящему важные вещи? Почему-то мы подменяем их суетными, ненужными мелочами, и охотно тратим на всё это свою жизнь...

После смерти родителей мы с даваникой были неразлучны. Она проверяла мои сочинения и то, хорошо ли я выучила стихотворение или параграф по географии. Вместе со мной осваивала никак не дававшуюся химию: мы читали запутанные тексты учебников и справочников, объясняли друг другу непонятные моменты, пытались разобраться в абракадабре молей, валентностей и формул. Она придумала фасон, скроила и сшила мне платье на выпускной. И, когда я в этом наряде вышла на сцену, и мне, единственной из класса, вручили золотую медаль, даваника заплакала в первый и последний раз на моей памяти.

Став старше, я поняла, что она невероятно проницательна, мудра и обладает уникальным умением разбираться в людях. Однажды к нам пришёл мальчик, который мне очень нравился. Вечером даваника сказала:

– Кызым, он красивый, вежливый, весёлый, приятный. Но больно уж у него всё легко. Такие быстро забывают, не умеют долго ждать и сильно любить.

Я расплакалась, разобиделась, принялась горячо доказывать, как она ошибается. И дулась до тех пор, пока мне не рассказали, что Виталик одновременно ухаживал ещё за одной девочкой из параллельного класса.

В институт я поступила сразу, с первой попытки. Помню, когда ещё училась в классе седьмом–восьмом, у нас зашёл разговор про высшее образование. Даваника тогда сказала, что не станет «пристраивать» меня в вуз:

– И денег таких нет, и стыдно. Высшее образование – вещь не обязательная, это ведь не прививка. У кого есть способности, ум, тот пусть и учится.

Больше мы к этому вопросу не возвращались. Я давно определилась, что хочу быть психологом, поставила цель: получить медаль, чтобы сдавать один экзамен. Сочинение. Весь последний школьный год тренировалась: писала под даваникину диктовку, шерстила художественные тексты, выписывала цитаты в отдельную тетрадку. В итоге получила свою пятёрку и была зачислена.

Мы жили в небольшом городке Зеленодольске, под Казанью. Все пять учеб-

ных лет я моталась в столицу на пригородной электричке, благо здание института расположено не так далеко от вокзала. Даваника, которая к тому времени вышла на пенсию, продолжала трудиться в родной поликлинике медсестрой. Каждый вечер, встречая меня с учёбы, она успевала приготовить что-нибудь вкусненькое и внимательно выслушивала, что приключилось со мною за день.

В этой обыденной, каждодневной повторяемости была особая гармония.

Были покой и уверенность. Жизнь казалась правильной и основательной. Да она и являлась таковой, пока...

Ох, уж эти роковые «пока»! Как часто спотыкаются о них люди!

Ты считаешь себя счастливой женщиной и любимой женой, пока случайно не узнаешь, что твой муж три раза в неделю после работы забегает в гости к твоей близкой подруге.

Ты мечтаешь стать великой фигуристкой, пока пьяный водитель не сбивает тебя на перекрёстке, и сложный перелом обеих ног не ставит крест на спортивной карьере.

Ты готова вкалывать день и ночь ради давно обещанного повышения по службе, пока не выясняется, что твоё место получил коллега, с которым вы мило общаетесь и вместе обедаете, и который, оказывается, делал всё возможное, чтобы очернить тебя в глазах руководства.

...Ты уверена, что самый близкий на свете человек всегда будет рядом, пока однажды не бросишь ему в лицо страшные обвинения, не увидишь боль в родных глазах, не хлопнешь дверью и не уйдёшь, чтобы вернуться только спустя три долгих года...

Нет, конечно, мы продолжали общаться, если можно назвать общением редкие звонки по телефону. Я говорила с даваникой холодным официальным тоном и делала вид, что не замечаю страдания в её голосе. Поначалу, в первые месяцы, она упорно пыталась ещё раз поговорить со мной, объяснить, попросить прощения, но я безжалостно пресекала эти попытки.

Когда же остыла и осознала, каких дров наломала, то стала ждать, что даваника вновь сделает шаг навстречу: глупая гордыня и стыд не позволяли сделать это самой. Но даваника, видимо, приняла правила навязанной мною игры, смирилась с тем, что возврата к былому никогда не будет, и больше не делала попыток к сближению.

За эти три года без даваники случилось многое. Я продала родительскую «двушку» в Зеленодольске и купила од-

нокомнатную квартирку в Казани. Окончила институт, но осталась на кафедре. Преподавала, писала диссертацию, на полставки подрабатывала психологом в школе. С деньгами было туговато, к тому же я впервые жила одна. Возвращаться вечерами в пустую квартиру, где никто меня не ждал, было тяжело. Вдобавок выяснилось, что быт состоит из сотни незаметных на первый взгляд мелочей, о которых некому позаботится, кроме тебя. Квартплата, уборка лестничной клетки, приготовление ужина, потёкший кран, вызов техника из газовой службы – раньше всё это ложилось на плечи даваники. Я старалась справляться, запрещала себе раскидываться и гнала прочь любые мысли о том, как сильно мне её не хватает.

Потом в моей жизни появился Павлик. Появился, как после выяснилось, ненадолго. Через восемь месяцев, устав от скандалов и бесконечных тягостных выяснений отношений, мы наконец-то к взаимному облегчению разбежались.

Ещё через две недели выяснилось, что я беременна. После десятка бессонных ночей и выплаканных в подушку слёз, решила, что буду рожать. Я была уже на шестом месяце, когда однажды вечером, ложась спать, почувствовала жгучую боль внизу живота. «Скорая» приехала быстро, но врачи не смогли сохранить жизнь моему ребёнку.

Лежа той же ночью в больничной палате, я никак не могла поверить, что снова осталась одна на свете. В тот момент мне не хотелось ни плакать, ни горевать – лекарства не давали сосредоточиться, по-настоящему осознать, что случилось. Это пришло позже.

Выписавшись из больницы, я вернулась домой, переступила порог квартиры и поняла, что не могу войти и продолжить жить, как раньше. Ставить чайник по утрам, собираться на работу, укладывать волосы перед зеркалом, пылесосить по субботам, варить суп, смотреть телевизор. В моей душе образовалась огромная дыра, точнее, рваная рана. А ещё точнее – пустота,

которую невозможно было заполнить привычными делами. Тем более что дела эти вдруг перестали иметь всякое значение.

Я зачем-то взяла с тумбочки зонт, заперла дверь и поехала к даванике.

Две недели назад мы говорили с ней по телефону: я звонила из больницы, чтобы поздравить её с Днём Победы. О том, что потеряла малыша, не сказала. Но теперь, от сознания того, что смогу наконец-то выплакаться на её плече, мне стало немного легче.

Покачиваясь в электричке, я смотрела в исхлётанное дождями мутное окно и думала, как перевернула мою жизнь точно такая же поездка трёхлетней давности. В тот вечер, возвращаясь из Казани, я встретила в электричке даваникину знакомую, бывшую соседку и подругу. Они давно не общались – и, думаю, мне понятна причина. Мне тоже вряд ли хотелось бы иметь друзей, которые запросто могут выболтать доверенные им секреты тем, от кого положено эти секреты оберегать.

От Мадины-апа я узнала, что даваника, оказывается, вовсе не была моей родной бабушкой. Отец (который, как выяснилось, не был моим отцом!) познакомился с мамой, когда мне было полтора года. И даваника была категорически против их брака, всячески стараясь отговорить отца жениться. До последнего дня у свекрови с невесткой были сложные отношения. Как ни старалась, я не могла припомнить, чтобы мама с даваникой ругались, но, с другой стороны, зная даванику, можно было предположить, что она вряд ли станет эмоционально выяснять отношения. К тому же при ребёнке.

Оказавшись дома, я с порога вывалила всё это. Наверное, втайне надеялась, что даваника отмахнётся, рассердится на глупую Мадину, которая забивает мне голову враньём и распускает сплетни. А после посоветует поменьше слушать болтливых людей. Но по её побледневшему, помертвевшему лицу поняла, что сказанное – правда.

Правда, что я была для даваники, в сущности, чужим человеком.

Правда, что она не хотела впускать нас с мамой в свою жизнь.

Правда, что она с трудом терпела мою бедную маму и, быть может, подумалось мне в ту лихую минуту, радовалась, когда наконец-то избавилась от неё.

Эта невероятная, дикая правда, эта первая в моей взрослой жизни трагедия ударила в голову, как крепкий алкоголь. Я ничего больше не хотела знать, не желала слушать даваникиных объяснений. Она пыталась донести до меня то, что я поняла сама лишь спустя годы. Что эта самая правда – лишь сухой набор фактов, которые сами по себе не имеют никакого значения.

Да, даваника была против брака моих родителей, но вовсе не потому, что у мамы был ребёнок, а потому лишь, что интуиция подсказывала: её Камиль не будет счастлив с разбитной, шумной, недалёкой Ниной.

Да, она не любила мою мать – и сильнее всего за то, что оказалась целиком и полностью права в отношении неё. Камиль чувствовал себя обманутым, видя, как легко молодая жена переложила на плечи мужа и свекрови заботы о маленькой дочке, отделившись от семьи и окунувшись в бесконечные вечеринки с коллегами, походы по магазинам и посиделки с подружками.

Да, с биологической точки зрения мы с даваникой были чужими друг другу. Но она давно забыла об этом, раз и навсегда взяв на себя заботу обо мне, полюбив меня всей силой своей щедрой души – разве я сама этого не чувствую? Даваника с тоской и надеждой постоянно задавала мне этот вопрос в ту горькую весну, но так и не получила ответа...

Я хотела ответить сегодня, сразу же, как только увижу её. И попросить прощения за свой эгоизм, за чёрную неблагодарность, за непроходимую глупость и предательство. Странно, но я ни на секунду не усомнилась, что даваника простит меня. Вообще об этом

не задумывалась, когда вприпрыжку бежала к дому.

Заворачивая за угол, вспомнила, что оставила в электричке зонтик. Теперь пёстрое короткое полешко будет сиротливо лежать на лавке, пока кто-нибудь не обнаружит его и не заберёт себе, радуясь неожиданной удаче. Найти что-то часто приятнее, чем купить – это словно бы подарок свыше. Порой вещи уходят от нас, ищут других хозяев, которым они, быть может, нужнее. Или тихо заканчивают свои дни, спрятавшись от мира, как кошки и коты перед смертью.

Я неслась по улице, радостно узнавая то, что было знакомо с детства, то, что грубо отбросила от себя. Мир, заслонённый от меня обидой, с каждым шагом оживал вокруг. Уютный двор, взятый пятиэтажками в кольцо. Лавочки со степенными старушками возле каждого подъезда. Стройный хоровод маленьких ёлочек в пышных зелёных юбках – мы, жильцы соседних домов, высаживали их лет девять назад. Детская площадка с качелями, песочницей-грибом и торчащей посередине горкой. Раньше горка казалась страшно высокой – дух захватывало, когда мчалась с неё с визгом и хохотом, а теперь вдруг как-то присела, пригорюнилась, съёжилась, смущаясь своих некрашенных бочков...

Вот и даваникин балкон, а по обе стороны – окошки кухни и спальни. С балкона гроздьями свисают цветочные ящики. Правда, самих цветов пока нет – ещё слишком рано. Я некоторое время стояла, смотрела и ждала: вдруг даваника поймёт, что внучка близко, выйдет на балкон или выглянет в окошко. Раньше такое часто случалось – и мне было интересно, как это у неё получается?!

Однако на этот раз чуда не произошло. Быть может, даваника отвыкла меня чувствовать. Или слишком часто глядела на дорогу, а меня всё не было.

Я поднялась на невысокий второй этаж и снова, уже второй раз за день, открыла дверь своим ключом. И, едва войдя, почувствовала: никто не поспе-

шит навстречу. Передо мной тихо дремала пустая квартира, не согретая теплом человеческого дыхания.

– Даваника! – несмело позвала я, быстро сбросила с ног туфли, на цыпочках прошла вперёд и заглянула в комнату.

Я увидела её сразу же, но в первый момент ничего не поняла. Даваника лежала на спине, на ней был тёмно-синий домашний халат в мелкий цветочек и белые шерстяные носки, которые она обычно носила вместо домашних тапочек. Рядом с левой рукой валялись очки. Одна дужка умоляюще торчала вверх, как мачта крошечного тонущего корабля. Чуть поодаль, как опрокинутый на спину жук, застыл хрупкий журнальный столик.

Ужас кислотой плеснулся мне в мозг. Я закричала, срывая связки, и ринулась к ней. Повалилась на колени, принялась бестолково шарить по даваникиному лицу трясущимися руками, бормотала что-то, не понимая смысла собственных слов.

Те несколько минут, когда ко мне приходило понимание случившегося, были самыми страшными в моей жизни. Ведь никто не стал бы говорить родному человеку непоправимых слов, если бы знал, что это, в сущности, последние слова, которые ему суждено от тебя услышать. Что с этими твоими словами он уйдёт навсегда, а тебе останется только вина, неутолимая боль и жалкая, бессильная надежда на прощение в лучшем мире.

Наверное, я не заслуживала того, что случилось дальше. Скорее всего – нет. Но, видно, на каком-то небесном судилище решено было сжалиться надо мной, хотя сама я себя не жалела. А может, как раз именно поэтому. И вот из глубокого колодца, куда погружалась всё глубже и глубже, я внезапно услышала слабый стон. И секунду спустя даваникины ресницы едва заметно затрепетали.

...Спустя несколько часов я вновь в больнице «скорой помощи», откуда

выписалась этим утром. Находиться в реанимации родственникам больных не положено, но для меня сделали исключение. Врачи поняли: если мне не разрешат сидеть подле даваники, я всё равно не уйду, а просто улягусь на пол под самой дверью. Поэтому здесь, сижу и жду момента, когда она проснётся, откроет глаза и увидит меня. Медсестра говорит, что моё бдение не имеет смысла, что сейчас даваника не понимает, рядом я или за тридевять земель, но я уверена, что она ошибается.

Кризис, к счастью, миновал. Возможно, через пару дней даванику даже переведут в палату – сердечный приступ был не слишком сильным. Строгий молодой доктор сказал, что больную успели вовремя обнаружить: появились я хоть на полчаса позже, и... Думаю, это та самая мысль, которую я со страхом буду всю оставшуюся жизнь гнать

прочь, и которая будет врываться в моё незащитное сознание в ночных кошмарах.

Вглядываясь в любимое лицо, я вижу дорожки новых морщин – их проложили слёзы и одиночество. Моё сердце ноет от грусти, радости, раскаяния, боли, счастья. Мне нужно многое сказать даванике, и ещё больше – сделать для неё.

Я обязательно поговорю с ней на татарском языке. Выучу её любимые народные песни. Научусь печь пироги – пироги со вкусом детства, чтобы потом угощать ими своих внуков. Стану выращивать её любимые цветы на подоконниках и на балконе. И всегда, всегда буду рядом.

Я не знаю, как сложится моя судьба, но зато точно знаю, чего в ней больше не будет – а это, наверное, куда важнее.

